

В тот день, когда Змеиный жетон вновь вернулся в руки Гуань Сюня, он стоял у подножия городской стены и наблюдал подвешенные на самом верху две головы: одна принадлежала Хун Аю, другая - Фэн Куню. Обоих этих людей он знал лично, и пусть они не были близко знакомы, но, прослужив вместе при дворе столько лет, он видел их в самых разных обличьях. В одном лишь виде ему ещё не доводилось их увидеть, а именно с отделёнными от тел головами.

Семь лет назад Гуань Сюнь получил тяжелейшее ранение на полях сражений северных рубежей и был вынужден вернуться в Жунин. Ли Цзюй в ту пору был всего лишь отроком, у которого только-только ломался голос, и абсолютно все дела при дворе решались волей Вдовствующей Императрицы Гэн. Вдовствующая Императрица Гэн тогда рассудила, что Гуань Сюнь пролил немало крови, сокрушая врагов, и теперь, когда он вернулся калекой, государство не имеет права бросить его на произвол судьбы, иначе это задело бы сердца бесчисленных воинов Великой Юй. И она назначила его на ключевой, жизненно важный пост министра юстиции.

До его вступления в должность за это место вели яростную борьбу самые разные фракции. Тот, кто сумел бы прибрать к рукам судебное ведомство и контроль над тюрьмами, заняв это центровое, стратегическое положение, смог бы заложить нерушимый фундамент для своей семьи в грядущих кровавых распрях. Сотни алчных глаз были прикованы к этому креслу, никто никому не желал уступать, и стоило бы партии оппонентов выдвинуть своего кандидата, как враждебные группировки тут же завалили бы трон целыми возами протестов. И лишь решительное, молниеносное решение Вдовствующей Императрицы Гэн, лично избравшей Гуань Сюня, заставило всех разом замолчать, не оставив повода для возражений.

Заслуги Гуань Сюня на северном фронте были у всех на виду, а сам он отличался леденящей душу честностью, строгостью и неподкупностью. Подкопаться под него не мог никто. Выбор Вдовствующей Императрицы Гэн, усадившей его на это место, оказался воистину мудрым и дальновидным: ни одна живая душа не посмела оспаривать этот шаг.

За исключением строгого соблюдения придворного этикета при встречах, Гуань Сюнь никогда не выказывал продвинувшей его Императрице Гэн никакой личной, угоднической признательности. Он попросту не умел лебезить и заискивать, как это делали другие, да и прекрасно понимал, что Вдовствующей Императрице это было совершенно ни к чему.

Все эти годы он сознавал: и на виду у всех, и за его спиной бесчисленное множество людей по-прежнему пристально следят за каждым его шагом в ожидании, когда он оступится, дабы сбросить его со счетов.

За долгие годы плавания в этом коварном чиновничьем море, насмотревшись на самые разные правила и методы фракционной борьбы, он становился всё более молчаливым и замкнутым. Меньше говоришь - меньше ошибаешься. Он лишь свято исполнял свой долг, полагая, что раз он безупречно выполняет обязанности, то у врагов не будет ни единой зацепки, чтобы уязвить его. И всё же, вопреки этому, люди изыскали способы сорвать с него судейскую шапку и даже покуситься на его жизнь. Неужели во всём этом виноват Цзян Ван, потянувший его за собой? Нет... Это он сам стал причиной бедствий Цзян Вана.

Цзян Ван уже был смещён со своей должности, и уволил его не кто иной, как сам Гуань Сюнь.

- Красиво, правда? Твоя работа.

Одетый в простую холщовую одежду сине-серого цвета, Цзян Ван непонятно когда вырос за его спиной. Скинув с себя мрачный форменный халат, он выглядел на удивление легко и

непринуждённо. Все его волосы были аккуратно убраны под сеточку-фачжао, из-под основания которой спускались две лёгкие, летящие золотистые ленты. В таком наряде он казался гораздо моложе, точь-в-точь как юный отрок из благородной семьи.

Гуань Сюнь не обернулся, продолжая неподвижно смотреть на вершину стены.

- Головы людские на стене висят, на ветру качаются, летят... - Цзян Ван принялся напевать старинную народную песню из родных краёв Гуань Сюня, лишь слегка переиначив слова. Этой песне его в своё время научил сам Гуань Сюнь. Когда-то на северных рубежах они плечом к плечу проливали кровь. Цзян Ван тогда получил тяжелейшее ранение, их отряд остался без провианта, и в миг, когда он чувствовал, что испускает дух, Гуань Сюнь тихо запел её для него. С тех пор Цзян Ван то и дело мурлыкал этот мотив под нос: и когда ему было весело, и когда кошки на душе скребли.

Гуань Сюнь никогда не допытывался, почему тот так сильно полюбил эту песню, а сам Цзян Ван ни за что бы ни признался: ведь именно благодаря тем нехитрым куплетам он и потерял голову от Гуань Сюня. Тогда, умирая от невыносимой боли и бредя от голода, он созерцал суровый профиль сидевшего рядом мужчины, и в его затухающем сознании билась лишь одна-единственная мысль: «Если мне суждено выжить, я обязательно ублажу Гуань Сюня ртом».

Это скромное желание в последующие годы исполнялось им с завидным постоянством и не единожды: он пускал в ход все свои чары, дабы искусить командира, и их более глубокие отношения тоже увенчались успехом. Цзян Ван наивно полагал, что сможет вот так до конца дней ловить и карать преступников бок о бок с Гуань Сюнем, пока они вместе не состарятся, не оставят службу и не уедут в глухую деревню, чтобы мирно скоротать остаток своих жизней. Кто же мог знать, что споткнуться им суждено именно на этом месте... Цзян Вану оставалось лишь смириться со своей участью.

- Как твой отец? - Гуань Сюнь по-прежнему стоял к нему спиной, когда внезапно задал этот вопрос.

Беззаботное напевание Цзян Вана резко оборвалось. Песня застряла в горле от этого самого обыкновенного, будничного вопроса Гуань Сюня.

Цзян Ван прикусил губу и горько, но с затаённым теплом усмехнулся:

- И откуда ты только всё знаешь?..

Гуань Сюнь не заговорил.

- Отец теперь стар, ему не пережить заточения и допросов с пристрастием. Пара крутых пыток и от его старых костей ничего бы не осталось. Будь он лет на двадцать моложе, мне было бы плевать на него. Пыточные методы этого негодяя Се ничуть не мягче, чем в тюрьме. Раз уж старик попал к нему на мушку, остаётся лишь винить его собственное несчастливое везение.

- Удалось его вызволить?

- Нет, - ответил Цзян Ван. - Мне вернули уже труп. Я похоронил его в деревне, на нашей земле. Он был самым обычным, бесхитростным крестьянином, всю жизнь только и делал, что усердно возделывал свои несколько му земли. Из деревни-то почти никогда не выбирался: едва откроет глаза на рассвете и сразу в поле. Прожил тихую, незаметную жизнь, а под конец умудрился сгинуть из-за придворной грызни... Неизбежный рок, что тут скажешь.

- Почему ты не сказал мне раньше? - глухо произнёс Гуань Сюнь. - Отец вырастил тебя, он был твоим единственным близким человеком.

Цзян Ван горько улыбнулся:

- А толку, если бы сказал? Ты бы всё равно не отдал ради него Змеиный жетон. Но я... я не мог предать отца, так что мне оставалось лишь предать тебя, - Цзян Ван на мгновение замолк, а затем едва слышно добавил:

- Да и к тому же, тебе ведь всё равно на меня плевать. Моё предательство для тебя ничего не значит. Но он... он был совсем другим. У него, кроме меня и этого поля, в жизни вообще ничего не было.

Цзян Ван не стал, как прежде, заглядывать Гуань Сюню в лицо, пытаясь подметить хоть мимолётную эмоцию ради собственного утешения. Всё это больше не имело значения.

Цзян Ван чинно сложил ладони перед собой в прощальном жесте:

- Благодарю Фэндяня за то, что продвигал меня по службе. Не будь тебя, мне, выходцу из бедного люда, суждено было бы лишь сгнить на поле боя, завернутым в лошадиную шкуру.

С этими словами он опустился на колени и склонился в глубоком, почтительном поклоне:

- В следующей жизни я обращусь в вола или коня, чтобы отплатить тебе за твою милость.

Договорив, Цзян Ван уже собрался уходить, но Гуань Сюнь лишь холодно и хлётко усмехнулся.

Цзян Ван замер. Не оборачиваясь к командиру, он торопливо смахнул набежавшие слёзы и лишь тогда повернул голову:

- Чему ты смеёшься?

- Твои речи пахнут как пустой звук.

- ...

- Следующая жизнь? Какая, к чёрту, следующая жизнь!? Кто вообще знает, существует ли она!

- Гуань Сюнь властно указал на него пальцем:

- А ну-ка иди сюда! Даже не думай, что сможешь вот так просто сбежать. Будешь в этой, нынешней жизни пахать на меня как вол и конь, возвращая долги!

Глядя на этот яростный, почти скандальный напор Гуань Сюня, Цзян Ван сперва опешил от изумления, а затем безудержно и звонко расхохотался.

- И ты не боишься, что я снова предаю тебя?

- Чего мне бояться? Твой отец мёртв, какой ещё компромат люди могут на тебя раскопать? А если ты вздумаешь снова меня предать, я просто собственноручно отрублю твою дурную голову и точно так же вздёрну её на городскую стену, делов-то! Ну так что, согласен войти в моё поместье в качестве моего личного советника?

Больше всего на свете Цзян Ван любил в Гуань Сюне именно эту его внутреннюю,

безудержную черту и величие души, способное вместить любые обиды. То, что их история разрешилась подобным образом, было наилучшим исходом из всех возможных.

- Советника? Боюсь, всё пойдёт куда глубже, чем просто обязанности обычного советника. - взгляд Цзян Вана хитро и плутовски прищурился и опустил, задержавшись на его промежности.

Пока эти двое обменивались взаимными колкостями и подшучивали друг над другом, всадница на белом коне звонко выкрикнула: «Министр Гуань!». Когда Гуань Сюнь услышал этот голос, девушка была от него ещё как минимум в двадцати шагах, но стоило ему обернуться, как окликнувшая его особа уже осадил коня прямо перед ним.

Женщина на белом скакуне выглядела лет на шестнадцать-семнадцать, однако её посадка в седле выдавала на редкость искусного мастера верховой езды. Она непринуждённо и легко удерживала поводья, заставляя мчащегося во весь опор коня остановиться как вкопанного. В другой руке она сжимала сложенный кожаный хлыст. Облачённая в облегающие тренировочные одежды, девица выглядела необычайно лихо и отважно.

- Министр Гуань. - её движение при соскоке на землю было столь же безупречным и щегольским, без малейшего промедления. Протянув руку, она поднесла Змеиный жетон судебного ведомства прямо к лицу Гуань Сюня:

- Змеиный жетон успешно найден. Моя госпожа велела доставить его и вернуть лично в руки Министру Гуаню.

Гуань Сюнь сразу признал в ней человека Вэй Цзычжо по фамилии Чжэнь. Цзян Ван знал её ещё лучше: именно эта безумная женщина в тот злополучный день, напрочь позабыв о собственной безопасности, бросилась вслед за улетающим амулетом напрямик в ревушую пасть подземных каналов. Не прояви она тогда этой отчаянной отваги, Судебное ведомство огребло бы массу катастрофических последствий.

- Благодарю, - Гуань Сюнь проникся искренним уважением к мужеству и таланту Чжэнь Вэньцзюнь, а потому чинно сложил ладони и отвесил ей глубокий воинский поклон.

Чжэнь Вэньцзюнь лишь беззаботно улыбнулась и уже взлетела в седло, собираясь уезжать, как вдруг Гуань Сюнь с любопытством спросил её вслед:

- Позвольте узнать, барышня... не доводилось ли вам прежде проливать кровь в битвах на северных рубежах Поднебесной?

- Нет, - ответила Чжэнь Вэньцзюнь, которой стало немного любопытно, с чего бы ему задавать такой вопрос.

- Прошу простить за мою дерзость. Мне лишь показалось, что мастерство барышни совсем не похоже на обычных девиц, в ваших движениях сквозит истинная доблесть военных, - в словах Гуань Сюня, впрочем, не было ничего удивительного. В конце концов, в нынешнем плачевном положении Великой Юй на северный фронт для сокрушения врагов отправляли всех без разбора, будь то мужчина или женщина, лишь бы подходили по возрасту и силе. Вот только мужчин зачисляли в регулярные армейские списки, и после подвигов те могли рассчитывать на официальные чины и награды, женщинам же приходилось воевать исключительно в качестве частных воинов знатных семей, и никаких почестей им не причиталось, точь-в-точь как случилось с А-Синь. Заметив, как чётко и молниеносно действует Чжэнь Вэньцзюнь, Гуань Сюнь, чья застарелая обида на Цзян Вана только-только благополучно разрешилась, пребывал

в отличном расположении духа, а потому из чистого любопытства позволил себе этот мимолётный расспрос.

- Вовсе нет, - повторила Чжэнь Вэньцзюнь. - Я никогда не бывала на северных рубежах.

- Что ж, в таком случае это я проявил излишнее пустословие.

Чжэнь Вэньцзюнь чинно поклонилась обоим мужчинам и, развернув коня Юньчжун Фэйсюэ, не спеша поехала обратно в поместье Вэй.

***

За несколько дней заботливого ухода и лечения Вэньцзюнь полностью восстановила силы. От недавней тошноты и головных болей не осталось и следа, разве что аппетит у неё пробудился поистине зверский, да по ночам ноги иногда сводило судорогами. Линби и Вэй Тинсюй в один голос твердили, что в свои семнадцать лет она умудряется со страшной силой расти вверх и такими темпами скоро перегонит саму Сяохуа. Сяохуа была настоящей восьмифутовой великаншей, и даже с обретённым новым лицом её мощная, крепкая комплекция оставалась неизменной. Сейчас Чжэнь Вэньцзюнь уже едва ли не макушкой доставала до её носа, так что от подобных разговоров служанок ей и самой сделалось немного не по себе. Рости высокой дело, конечно, хорошее, лишь бы не превратиться в точную копию Сяохуа...

Вэй Тинсюй же безумно завидовала феноменальной способности Чжэнь Вэньцзюнь к восстановлению. Окажись она сама на её месте в ледяной воде столько дней подряд... без полугода, а то и целого года строжайшего постельного режима точно бы не обошлось. Взять хотя бы её собственные раны, полученные в павильоне Циньфэн. Они до сих пор причиняли ей столько мучений, что ей было больно и сидеть, и лежать, а уж встать на ноги и вовсе казалось невыносимым. Чжэнь Вэньцзюнь каждый день послушно разминала и массировала её тело, чтобы хоть немного унять эту непрекращающуюся боль.

Благополучно вернув Змеинный жетон законному владельцу, Чжэнь Вэньцзюнь не спеша прогуливалась верхом на коне по улицам Жунина, пока дорога сама собой не вывела её к оживлённым рыночным рядам. Проливной дождь утих уже как три дня назад, и базары мгновенно наводнились жизнью. И хотя зловещая тень «водного демона» ещё не до конца выветрилась из умов простых горожан, но если продолжать сидеть взаперти, то всей семье придётся покорно помирать с голоду. Торговцам волей-неволей пришлось набраться смелости и выйти со своим товаром наружу.

Стоило небу проясниться, как все лавки и мастерские в городских кварталах дружно распахнули свои двери, и мало-помалу на мостовые вышел простой люд. Стражники Цзиньувэй в полном боевом облачении днём и ночью непрерывно патрулировали большие улицы и глухие переулки с приказом: едва объявится водное чудовище - немедленно бить его наповал. Стоило же сумеркам опуститься на город, как все до единого спешили поскорее запереться в своих домах, чтобы не навлечь на себя смертельную опасность.

Разумеется, сколько бы гвардейцы Цзиньувэй ни усердствовали с патрулями, встретить водного демона им было не суждено ведь те, кто со знанием дела распространял эти жуткие слухи, давно переключили всё своё внимание на подготовку к следующей кровавой схватке за власть.

Проезжая мимо прилавков, Чжэнь Вэньцзюнь с любопытством разглядывала массу диковинных вещей. Больше всего её взгляд приковало лакомство под названием «Шуанде цайцю» - это были причудливые плоды, привезённые иностранными купцами из далёких западных стран,

обильно залитые сладкой-пресладкой солодовой патокой. Тягучей глазури при застывании искусный кондитер придал очертания двух трепещущих бабочек, отчего сладость выглядела невероятно милой и привлекательной. Длиннобородый иностранный торговец успел выкрикнуть зазывальные речи всего пару раз, как вокруг него мгновенно сбежалась огромная орава ребятишек. Чжэнь Вэньцзюнь тоже заворуженно уставилась на это пёстрое, разноцветное угощение и, сама того не замечая, принялась потихоньку направлять своего скакуна Сяосюэ ближе к лавке.

Иноземец к тому же оказался силён в фокусах: он лёгким взмахом руки накрыл сладость платком, а когда сорвал его, то конфеты в миг обратились в самых настоящих живых бабочек, которые, порхая крыльями, устремились в лазурное небо. Собравшаяся вокруг толпа дружно разразилась громом аплодисментов и восторженными криками, и Чжэнь Вэньцзюнь тоже не удержалась, всю захлопав в ладоши.

Пока она в полном упоении наблюдала за представлением, у неё над ухом вдруг раздался тихий, кокетливый девичий смешок. Вэньцзюнь инстинктивно почувствовала, что этот смех обращён именно в её сторону. Она резко повернула голову и поняла, что так оно и есть.

Чуть поодаль от толпы, плечом к плечу, стояли Чжансунь У и другой мужчина, который был выше его чуть ли не на целую голову. В руках у каждого было по вееру: Чжансунь У обмахивался изящным лазурно-синим, а его спутник строгим черным. Чжансунь У, прикрывая рот ладонью, томно и жеманно улыбался, что заставило Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно припомнить недавние слова Вэй Тинсюй о том, что этот юноша питает страсть исключительно к мужской красоте. Лазутчица невольно принялась во все глаза разглядывать стоявшего подле него человека.

От этого мимолётного взгляда у Чжэнь Вэньцзюнь аж дух перехватило: мужчина отличался гордой соболиной линией бровей, пронзительным взором звёздных глаз и был столь ослепительно хорош собой, что его смело можно было назвать самым красивым и статным юношей из всех, кого Вэньцзюнь доводилось встречать в своей жизни. Это был Бо Лань - молодой наследник из благородного дома министра церемоний.

- Как бы ни была умна и способна барышня Вэньцзюнь, в конце концов, она всё ещё ребёнок, привлечённый конфетами. Ах, какая же это прелесть. - Чжансунь У кокетливо покачал веером, слегка прикрывая лицо, а Бо Лань, заметив замешательство девушки, поспешил тактично сгладить неловкость:

- Прошу молодую госпожу не принимать это близко к сердцу. Чжань Ин просто любит шутить. Как может такая изысканная и утончённая молодая госпожа сравниваться с обычными детьми?

Сама по себе Чжэнь Вэньцзюнь поначалу вовсе не чувствовала себя неловко, но после этого благородного заступничества ей и впрямь стало ужасно совестно. У неё лишь уголок рта нервно дёрнулся в подобии вежливой улыбки, а Бо Лань, подхватив Чжансунь У под руку, поспешил быстро увести его прочь сквозь толпу.

Однако стоило им скрыться из виду, как какая-то тёмная тень промелькнула на самом краю зрения Чжэнь Вэньцзюнь. В воздухе на долю секунды пахнуло зловещей, леденящей душу жаждой убийства, совершенно неуместной посреди шумного рынка, и в миг растаяла вместе с беглецом.

За ними кто-то следил.

Чжэнь Вэньцзюнь проводила скрытым взглядом направление, куда ушли Чжансунь У и Бо Лань. Направляя Сяосюэ, она сделала вид, будто уезжает прочь, но на деле лишь заложила крюк, завела коня в глухой закоулок и намертво привязала к столбу. После этого она стремительно и бесшумно бросилась в погоню по следам тех юношей.

Те двое забирались во всё более глухие и безлюдные переулки, пока дорога не вывела их к кварталу, увешанному лиловыми фонарями. По обеим сторонам этой прежде тихой улочки при их появлении началось оживлённое шевеление, словно скрытые в лесной глуши хищные насекомые и звери, почуяв аромат сочной добычи, разгребают сырую землю и сползаются со всех сторон.

Понаблюдав за происходящим из своего укрытия, Чжэнь Вэньцзюнь немного погодя осознала, что забрела в переулок «красных фонарей», вот только обитали здесь исключительно изящные, гибкие как лоза юноши-наложники. Стоило местным мальчикам заметить двух прекрасных молодых господ, облачённых в роскошные шелка и увешанных драгоценностями, как они принялись пускать в ход всё своё кокетство и чары, чтобы урвать этот колоссальный, прибыльный куш.

Выходило, что Чжансунь У и Бо Лань явились сюда за плотскими утехами вместе, а значит, любовной парой они не были. Должно быть, вкусы у них полностью совпадали, но делить одного избранника на двоих им было не с руки, и они, обуреваемые тоской, явились в этот притон искать утешение порознь.

Пока Чжэнь Вэньцзюнь размышляла об этом, её мысли невольно унеслись в совершенно иное русло.

Среди мужчин, питающих страсть к собственному полу, всё было предельно ясно: у них существовало чёткое разделение на «верхнего» и «нижнего». А как же тогда обстояли дела у женщин? Если две девы воспламят друг к другу любовью, как им разделять роли? Неужели всё происходит точь-в-точь как у А-Ляо, которая обожает рядиться в мужское платье и полностью берёт на себя главенство на ложе? Одежания А-Ляо были слишком приметными, по ним с одного взгляда можно было определить её наклонности. Но как быть с остальными женщинами, у которых нет ни малейшей тяги к мужскому гардеробу? Как разделять роли среди них?

В своё время госпожа Юэ А-Цзяо преподнесла ей в дар трактаты «О слиянии земного Инь и небесного Ян» и «Канон Сокровенной девы», лично обучая её искусству обольщения. Вот только все те свитки до единого описывали исключительно ласки между мужчиной и женщиной, а применительно к союзу двух особ одного пола эти премудрости были абсолютно бесполезны. В её голове роилась уйма вопросов, но задать их было решительно некому.

Чжэнь Вэньцзюнь припала к глинобитной стене, укрывшись в густой тени, пока её разум всюду блуждал в бескрайних просторах Млечного Пути, сокрушаясь над этими глубокомысленными загадками.

Вдруг та самая чёрная тень возникла вновь, со свистом промелькнув прямо над головой Чжэнь Вэньцзюнь. Сердце лазутчицы испуганно ёкнуло, она затаила дыхание и намертво сжала в ладони “Золотую Цикаду”.

Зловещий силуэт, подобно бесшумному чёрному коту, единым махом перелетел по балкам крыш и замер на кровле прямо над тем местом, где находился Чжансунь У.

Это наёмный убийца. Чжэнь Вэньцзюнь наконец смогла тихонько выдохнуть. Похоже, убийца даже не заметил её присутствия.

Высокого и статного Бо Ланя увлек за собой какой-то ярко размалёванный, крепкий парень, который был едва ли не на голову ниже его. Чжансунь У же оказался окружён плотным кольцом самых разномастных наложников. Он долго осматривал их, и на его лице читалась явная брезгливость, пока на самом краю толпы его взгляд не зацепил юношу, прекрасного, точно весенний цветок на рассвете. Мальчик переминался с ноги на ногу и от девичьей робости не смел сделать и шага навстречу. Чжансунь У лёгким взмахом веера велел толпе расступиться, подошёл к красавцу и, поддев его точёный подбородок краем веера, заставил поднять лицо. Внимательно, во всех деталях изучив его черты, он осведомился, из какого тот заведения. Мальчик робко указал пальцем на расположенную позади зала Чжуйхун, и Чжансунь У размашистым шагом направился напрямик внутрь.

Чжэнь Вэньцзюнь была несказанно поражена. Кто бы мог подумать, что могучий Бо Лань выберет себе в партнёры приземистого крепыша, а Чжансунь У с точностью до наоборот. И правда, не суди о человеке по... Пойдите-ка! Та чёрная тень уже бесшумно скользнула вслед за ними в залу Чжуйхун. Его целью был именно Чжансунь У!

И пусть Чжэнь Вэньцзюнь не питала к Чжансунь У ни капли симпатии, но, в конце концов, он был официальным женихом Вэй Тинской и родным братом А-Ляо. Бросить его на произвол судьбы и позволить убить она не имела права.

При одной мысли о том, каков этот Чжансунь У, с его нежной кожей и хрупким, девичьим сложением, Вэньцзюнь поняла, что при столкновении с убийцей ему несдобровать. Пригнувшись к самой земле, она прокралась по тем участкам двора, куда не доходил свет шелковых фонарей, и ловко взобралась на глинобитную стену зала Чжуйхун. Намертво впившись пальцами в уступы и упёршись носками сапог в кладку, она зафиксировала тело и, приподняв голову, уставилась внутрь павильона полным любопытства взором.

Зал Чжуйхун был совсем небольшой и представлял собой обычную крытую галерею, объединявшую от силы четыре-пять комнат. Едва Чжансунь У переступил порог своих покоев, как чёрная тень взлетела на крышу прямо над его головой и бесшумно сдвинула в сторону одну из серых черепиц. Выждав немного, человек извлёк из-за пояса какой-то предмет и принялся осторожно просовывать его в образовавшуюся щель. Этот приём был знаком Чжэнь Вэньцзюнь как никто другой: лазутчик собирался пустить в ход яд. Вот только его попытки в сравнении с теми уроками, что ей в своё время преподавал Цзян Даочжан, казались верхом топорности. Пытаться вот так, наобум, добавить отраву сверху прямо в винный кубок - это мало того, что был огромный риск промахнуться, так ещё и из-за высоты падения капля могла издать отчётливый шлепок и выдать убийцу с головой. По всем правилам следовало взять одну из восьми разновидностей прочнейшей паутины, спустить нить вниз и позволить яду плавно и бесшумно стечь по ней прямо в чашу с вином или чаем.

Как и следовало ожидать, после того как лазутчик выдавил отраву, ничего не произошло, и Чжэнь Вэньцзюнь, наблюдая за этим со стороны, даже невольно за него заперевивала.

Заметив, что свет в комнате внезапно погас, наёмник, напроць позабыв об осторожности, очертя голову ринулся прямо внутрь, намереваясь в открытую заколоть Чжансунь У. Вэньцзюнь мгновенно взвилась на угол крыши и, подобно ласточке, перелетела к проломленному отверстию. Но стоило ей приготовиться спрыгнуть вниз ради спасения человека, как из темноты донёсся истошный визг наложника, а следом раздался тяжёлый, хлесткий всплеск, и всю комнату до самого потолка окатило свежей кровью.

У Чжэнь Вэньцзюнь внутри всё похолодело, и она мысленно ругалась: «Конец!». Если Чжансунь У суждено было сгинуть в этом притоне, за этим наверняка крылась бы очередная

чужая зловещая комбинация.

Однако в комнате вновь забрезжил свет. Вэньцзюнь припала к щели и обомлела: Чжансунь У стоял посреди покоев, сжимая в левой руке масляную лампу, а в правой длинный, сочащийся кровью меч. Вся его роскошная одежда была залита багровыми пятнами.

Отрубленная голова убийцы докатилась до самого угла, где, вжавшись в стену, без умолку и на одной ноте голосил перепуганный мальчик-наложник.

- Заткнись, - Чжансунь У приподнял клинок и лениво слизнул языком кровь с лезвия. - В этой крови слишком отчётливо смердит мясным жиром. Сразу видно, покойник обожал пожрать мяса.

И его глаза, в которых в этот миг сквозило нечто потустороннее и жуткое, устремились прямо вверх, на застывшую от изумления Чжэнь Вэньцзюнь.

- Сестрица Вэньцзюнь, не желаешь ли спуститься и разделить со мной чашу-другую?

***

Чжэнь Вэньцзюнь и в страшном сне не могло присниться, что ей доведётся распивать вино в компании Чжансунь У посреди элитного борделя для мужчин.

Чжансунь У швырнул наложнику несколько таэлей серебра и выставил его вон, после чего, не спуская глаз с валявшейся в углу головы, одним махом осушил свой кубок.

- Этот человек личный раб из дома Се. У нас с ним и прежде бывали кое-какие счёты, и он спал и видел, как бы со мной расправиться. Мы с Бо Ланем ещё на рынке заметили, что он плетётся за нами по пятам. Связываться с ним не хотелось, да вот только этот дурак сам решил прыгнуть ко мне на нож.

Лазутчица поняла, что самым роковым образом недооценила Чжансунь У. Глядя на его хрупкое, изнеженное сложение, трудно было представить, что под этой маской скрывается искусный мастер боевых искусств. Отсечь человеку голову единым взмахом клинка... для этого требовалась поистине колоссальная сила рук.

- Куда больше меня занимаешь ты, - Чжансунь У, орудуя своим острым языком, как всегда, безошибочно бил в самую суть. - С чего бы сестрице Вэньцзюнь следовать за мной? Неужели ты столь сильно пеклась о моей безопасности, что решила лично меня охранять? Или же... ты просто до смерти боялась, что моя кончина разобьёт сердце твоей госпоже?

Чжэнь Вэньцзюнь не имела ни малейшего желания вступать с ним в словесные перепалки. Куда важнее было то, что известие о принадлежности убийцы к семье Се мгновенно зажгло в её голове яркую искру ослепительного озарения. Она подошла к труп, сорвала с головы маску и обнажила лицо молодого мужчины. На вид ему было не больше двадцати лет, а его комплекция и рост почти в точности совпадали с её собственными.

Поистине само провидение решило протянуть ей руку помощи.

Вэньцзюнь сама вызвалась подействовать ему в уничтожении улики. Чжансунь У поначалу намеревался приберечь труп ради собственных скрытых целей, но при девушке развивать эту тему не стал, а потому со спокойной душой перепоручил ей ликвидацию тела.

Чжэнь Вэньцзюнь оттащила мертвеца в безлюдное, глухое место. Она аккуратно срезала с его лица кожу, забрала одежду, а всё остальное полила едким составом для растворения плоти¹, который для неё заранее заготовил Бу Цзе. В считанные минуты тело обратилось в грязную лужицу кровавой пены. Бу Цзе в своё время хвастался, что именно с помощью этого чудодейственного зелья он чисто и без шума ликвидировал братьев Тэн, и это было невероятно удобно, так что Чжэнь Вэньцзюнь на всякий случай всегда носила один флакон при себе.

¹хуашишуй - «вода, плавающая трупы»

Прокравшись в поместье Вэй с запрятанным куском человеческой кожи, Чжэнь Вэньцзюнь была настолько погружена в свои мысли, что у неё не было ни малейшего желания отвечать на шуточки подошедшей Линби. Она со всех ног бросилась в свои покои, наглухо заперла дверь на засов, извлекла маску из человеческой кожи, тщательно промыла и вымочила её в особом целебном растворе, а затем аккуратно разгладила под светом масляной лампы.

Это был первый раз, когда она собственноручно занималась срезанием кожи для маски. Из-за того, что в процессе её руки слегка подрагивали от волнения, на коже образовались два небольших надрыва, но их можно было без труда замаскировать с помощью искусства изменения лица, так что это было не страшно.

Она намеревалась надеть эту маску из человеческой кожи и тайно проникнуть в резиденцию Се.

От матушки уже очень давно не было никаких вестей. И пусть Вэньцзюнь мысленно уже подготовилась к самому худшему и катастрофическому исходу, она обязана была пробраться в поместье Се, чтобы отыскать хоть какой-то след. Бу Цзе изъездил всё вокруг, но так ничего и не нашёл, поэтому Чжэнь Вэньцзюнь резонно рассудила: если матушку где и прячут, то вероятнее всего именно там.

Если ей действительно посчастливится обнаружить матушку и представится удобный случай, она попытается вызволить её, если же шансов не будет, то лезть напролом нельзя, достаточно будет просто удостовериться, что она всё ещё жива и находится в стенах этого дома.

Это тайное проникновение в семью Се замышлялось вовсе не ради убийства. Вэньцзюнь прекрасно понимала: пусть у неё в арсенале и припрятано несколько хитроумных механизмов и скрытых орудий, против первоклассных мастеров дома Се ей ни за что не выстоять. Всё, что ей требовалось сделать - это разведать обстановку. Пребывать в сытости и покое было легко: она могла бы и дальше беззаботно прятаться под крылышком у Вэй Тинсуй в ожидании удобного момента, однако жизнь её матушки с каждым днём этого пассивного ожидания неумолимо таяла и подходила к концу. Она не имела права и дальше нежиться в этой тёплой постели, напрочь позабыв о том, ради чего вообще явилась в столицу. Ей необходимо было пойти на риск, иначе не ровен час и её собственная воля и кости будут окончательно растоплены и размягчены нежностью Вэй Тинсуй.

Она с ювелирной точностью удалила с маски остатки налипшей крови и плоти, приложила человеческую кожу к лицу и перед бронзовым зеркалом принялась дюйм за дюймом покрывать её пудрой, чтобы скрыть трупную бледность. Вдобавок, разбираясь с размерами чужой кожи и направлением собственных лицевых мышц, ей пришлось подкладывать под маску крошечные кусочки свинины для придания нужного объёма. На сей раз изменение лица давалось с колоссальным трудом: это не было банальным переодеванием в случайного прохожего, ей требовалось со стопроцентной точностью воссоздать облик человека так, чтобы обмануть тех, кто знал покойника лично. К счастью, Чжэнь Вэньцзюнь от природы обладала феноменальной

памятью на лица: ей достаточно было лишь раз мельком взглянуть на человека, чтобы в её сознании отпечатались бесчисленные мельчайшие детали его внешности.

Когда работа была завершена, она взглянула на себя в зеркало: черты лица и впрямь воссозданы безупречно, однако пропорциям тела ещё требовалась куда более тщательная и детальная доработка. Благо, её собственные девичьи округлости на груди не отличались пышностью, и стоило лишь покрепче увязать их полотном, как фигура стала неотличима от мужской.

Она всё ещё не умела, подобно А-Цзяо, безупречно подделывать чужие голоса, а потому этот визит в поместье Се таил в себе колоссальное количество смертельных опасностей. Ей надлежало действовать с предельной, исключительной осторожностью.

***

Проникновение в резиденцию Се прошло без происшествий. Она вошла через задние ворота, караульный стражник лишь пару раз мазнул взглядом по её лицу. Чжэнь Вэньцзюнь по привычкам прежнего владельца кожи резонно рассудила, что тот занимал весьма невысокое положение в иерархии слуг дома Се, будучи обычным наёмным убийцей из числа бродячих воинов-юэся. Такие люди никогда не пользуются парадным входом и в большинстве случаев заходят и выходят исключительно через задние двери. Она справедливо рассудила, что привратник обязан знать покойника в лицо, а потому зашагала внутрь с самым невозмутимым, естественным и уверенным видом.

Охранник и впрямь не стал её задерживать. Выходит, её расчёт оказался абсолютно верным: настоящий мастер скрытных проникновений всегда способен отыскать лазейку и пробраться туда, куда ему нужно, как тот свирепый убийца, что в одиночку отравил сотни советников Ли Яньи. Главное чтобы одежда и лицо не вызвали явных подозрений, и самой не паниковать, выдавая себя суетой. Пробраться в дом Се было делом нехитрым.

И вот она самым беспрепятственным образом расхаживала по поместью Се.

Поместье было огромным, а его планировка казалась куда более сложной и запутанной, чем в поместье Вэй. В первые минуты самого Се Фучэня нигде не было видно. Вэньцзюнь не спеша двигалась вдоль крытых галерей, намереваясь для начала досконально изучить топографию дома, ведь весьма вероятно, что этот визит в логово врага не станет для неё единственным. Чжэнь Вэньцзюнь пребывала в сильном азартном возбуждении: эта чужая кожа на лице превратилась для неё в безупречный охранный талисман, открывающий любые двери.

- Так это опять она вернула Змеиный жетон?! Хм, в прошлый раз ей просто повезло, что её не прирезали на месте.

Чжэнь Вэньцзюнь как раз собиралась свернуть за угол галереи и пройти вглубь двора, когда из-за каменной стены внезапно донёлся до боли знакомый голос. Она мгновенно замедлила шаг, не в силах поверить собственным ушам.

Ей до безумия не хотелось верить в это, но она совершенно отчётливо и ясно услышала голос А-Сюнь.

Ей нельзя было резко застыть на месте или пятиться назад, потому что по коридорам то и дело сновали многочисленные домашние рабы и слуги поместья Се, и любое её странное поведение могло вмиг привлечь к себе ненужное внимание.

Чжэнь Вэньцзюнь, сжав всю волю в кулак, упрямо пошла вперёд и через секунду нос к носу пересеклась с А-Сюнь, проходя мимо неё.

А-Сюнь размашистым шагом шла в компании двух мужчин. Изрыгая холодный, презрительный смех, она на ходу цедила:

- В прошлый раз в том полуразрушенном храме именно она занималась тем, что сеяла слухи о водном демоне. Прежде я по своей наивности ещё полагала, будто у неё есть какие-то тайные, смягчающие обстоятельства и она вынуждена так поступать. Но теперь-то всё прояснилось: эта дрянь не просто со всей искренностью и рвением служит этой ведьме, она вдобавок умудрилась убить самого Янь Е! Жаль, меня тогда не было рядом, я бы самолично, одним взмахом клинка прервала жизнь этой собачьей рабыни!

<http://bllate.org/book/17227/1721837>